

ДИАЛОГИ С СОВРЕМЕННОКАМИ

ВАЛЕНТИН ГРИГОРЬЕВИЧ РАСПУТИН

7 сентября 2002 г. в телерадиокомпании «Регион—Тюмень» произошла встреча с замечательным русским писателем В. Г. Распутиным. Запись этой встречи с тюменцами в прямом эфире мы предлагаем вниманию наших читателей с любезного согласия писателя и А. К. Омельчука — ведущего передачи.

Корр.: Уважаемые телезрители, мы в прямом эфире, и у вас есть, я считаю, редкая возможность задать свои вопросы моему собеседнику, писателю Валентину Распутину.

— Валентин Григорьевич, вы в Тюмени проездом из Тобольска. Хорошо в Тобольске?

Распутин: Тобольск я люблю, хотя был там только дважды. Первый раз — 15 лет назад. Тогда город справлял свое 400-летие. Позже я издал книгу «Сибирь, Сибирь», где одна из важнейших глав — о Тобольске. Я люблю Тобольск — мать всех сибирских городов, это город теплый, как мне кажется. Здесь начались все наши искусства, ремесла и вся наша сибирская жизнь. Поэтому нынче я счел за необходимость снова побывать в Тобольске, чтобы посмотреть, что в нем изменилось. 15 лет — срок большой. С 1987-го года по 2002 год прошла целая эпоха. Она, может, еще не закончилась, но то, что в это время произошло в России, принесло огромные перемены. Они должны были осуществиться и здесь, поэтому мне и хотелось приехать, посмотреть, как и чем живет Тобольск, какие у него проблемы и насколько верны мои наблюдения пятнадцатилетней давности.

Корр.: Тобольск — необычный город. Может быть, это вообще космическое место Сибири?

Распутин: Не знаю, космическое ли это место Сибири, но когда смотришь на Троицкие холмы, на Софию снизу, конечно, это место кажется самым высоким в Сибири, наиболее приближенным к небу, к Богу. И то, что Сибирь начиналась именно здесь, может быть, даже и каким-то космическим предчувствием можно объяснить.

Корр.: Если Сибирь начиналась с холмов тобольских — у нее безнадежно счастливая будущая судьба?

Распутин: В истории, видимо, происходило, то одно, то другое. То безнадежная, то счастливая. А в общем, сибирская судьба, я думаю, состоялась совсем неплохо, можно было бы лучше, наверное, но все-таки мы можем гордиться тем, что мы — сибиряки, и пока мы, слава Богу, этим гордимся.

Корр.: Из села Успенское нам позвонила Инна Григорьевна Мезинцева: «Люблю, Валентин Григорьевич, читать Ваши книги, они удивительно близки мне по духу. Скажите, планируется ли выход в свет Ваших новых литературных работ?».

Распутин: Я не могу похвастаться тем, что много и плодотворно работаю. Все-таки годы и нагрузки, очевидно, сказываются. Но понемногу все-таки пишу, хотелось бы еще лет пять, может быть чуть побольше, поработать.

Корр.: Скажите, когда писателю не хочется писать, а когда хочется?

Распутин: Не хочется писать, когда на дворе унылая погода. Это не значит, что дождик идет, небо затянуто тучами или ветер. Я как раз такую погоду люблю. Она располагает меня к работе. Как только дождик — меня тянет к столу, и даже если нет готовой работы, ведь всякая работа должна иметь какую-то подготовку, все равно я занимаюсь делом.

Я имею в виду все-таки унылую общественную погоду, которая была у нас в течение последних лет, в 90-е годы, когда не знаешь, надо работать или не надо. Есть читатель или его уже нет? А читателей становится все меньше и меньше, и это сказывается на работе. Хочется работать, когда уже подкатывает необходимость сказать самое главное на сегодняшний день, на теперешнее время. Мне кажется, такая необходимость у меня сейчас все-таки появилась. Долго я не знал, за что приняться, поэтому писал рассказы.

Поскольку я все-таки очень люблю наш великий русский язык и, надеюсь, что немножко пользуюсь им, хочется иногда отдохнуть от того, что происходит в обществе, и окунуться в чистую атмосферу природы языка. В последнее время у меня появилось несколько рассказов. Это не социальная литература, но ведь нужна и литература социальная. Была же она у меня прежде, были «Прощание с Матерой», «Пожар» — горячие вещи, как мне кажется. Та вещь, которую я написал сейчас, может быть, и не столь горячая, но она пытается ответить на вопросы, которые сейчас значимы у нас в обществе.

Корр.: У нас нынче стояло сырое лето, а у Вас в Иркутске дождало?

Распутин: В Иркутске не было дождей, почти не было.

Корр.: Поэтому писатель Распутин и не бежал к столу?

Распутин: Да, мало бежал к столу, а больше бежал к огороду, нужно было поливать, что-то выращивать. А я люблю этим заниматься.

Корр.: Большой огород?

Распутин: Ну не так чтобы большой, но сотки четыре есть.

Корр.: Вы сказали о своей любви к русскому языку. Скажите, на Ваш взгляд, родное слово болеет или умирает?

Распутин: Русский язык нельзя, наверное, заставить не болеть, но нельзя говорить о его смерти. Русский язык — это вечное, бессмертное. Если даже мы не пользуемся им в полной мере, если пользуемся засоренным, чужим языком. Но русский язык ведь существует! Разве мы не понимаем Тургенева, когда начинаем читать «Записки охотника»? Разве мы Бунина не понимаем? Да это такое счастье! Открыть книгу и окунуться в рассказы Бунина, или Тургенева, или в прозу Ивана Шмелева да и многих других русских писателей. Слава Богу, они есть! И не только в прошлом.

Вообще-то, конечно, у нас странная жизнь. Об одних писателях, которых и писателями-то назвать можно достаточно условно, о них — пятка заболела или что-то еще — трезвонят по всему миру, по всем каналам. А скончался замечательный художник, удивительный стилист, знаток русского языка и русской души Евгений Иванович Носов — и все, как будто не было такого человека. Где-то в газетах, возможно, писали о его смерти. Может быть, на телевидении есть такие каналы, где сказали об этом. Но я о кончине Евгения Ивановича узнал спустя две недели — не из средств массовой информации. Мне кажется, непозволительно для России так относиться к своим сыновьям и радателям родного слова.

Корр.: Марина Анатольевна Яшина, педагог, тюменка, задает вопрос: «*Может ли течение времени заставить писателя кардинально изменить темы, проблемы, стиль и даже метод творчества?*».

Распутин: Метод творчества писатель, наверное, может изменить; конечно, может он изменить и темы, и проблемы, поскольку у каждого времени они свои. Но это если писатель все-таки живет внешним. Когда он живет судьбой народной — это громкие слова, но, тем не менее, у этих слов есть содержание, — то темы, проблемы, не меняются. Это возможность сказать о самом главном, о болях народа.

Литература — это когда человеку дается благодать, не та благодать, которая в церкви, а художественная благодать. Поскольку доверие к писателю еще остается, то остается и необходимость такой благодати. Литература должна подать надежду. Если она умеет это делать, это литература, если она обращается к худшим качествам человека, это не может быть литературой.

Корр.: Вы говорили о судьбе народной. Скажите, меняется ли Ваше отношение к родному народу и как Вы относитесь к французской поговорке «каждый народ заслуживает своих правителей»?

Распутин: Надо сначала, наверное, договориться, что такое народ. Когда за народ принимается все население, это, разумеется, неверно. Население — это все-таки не народ. Народ — та корневая часть населения, которая как бы произрастает из самой земли, она обладает лучшими национальными качествами, нравственными и духовными. Народ — это то, что редко ошибается, что несет суть нашей истории. Население — да, может ошибаться. Население действительно достойно тех правителей, которых оно заслуживает. Народ иногда не заслуживает. Я думаю, что в последние десятилетия, по крайней мере в 90-е годы, народ не заслуживал свой власти. Заслуживает ли сейчас? Пока мне трудно сказать, так это или нет. Посмотрите, как народ голосовал все эти годы. Деревня-то ведь правильно голосовала, она не ошибалась. За малым исключением не ошибалась. Это большие города ошибались. Они привели ту власть, о которой мы теперь говорим. Что происходит сейчас? Пока об этом трудно судить. Все мы в некоторой растерянности:

что у нас, кто у нас? Для меня, по крайней мере, самая большая тревога о том, что Россию хотят втянуть в так называемый глобальный мир, что нас хотят сделать глобалистами.

Корр.: Валентин Григорьевич, а население не обидится на писателя Распутина, что оно — не народ?

Распутин: А почему оно обидится? Население никогда не было народом, и не Распутин высказывает эту истину, это говорили до меня и будут говорить после. Население очень разное. Есть поколение, несущее болезни, и есть поколение, несущее все самое лучшее, что есть в народе. Человеку грешному, который не знает, куда кинуться, что делать, чем заняться, на что употребить себя, жить очень тяжело. Я знаю об этом, потому что и у меня бывают такие периоды. Места себе не находишь, не любишь, ненавидишь себя, пока ты не нашел, чем тебе следует заняться. Когда мы говорим о том, что Россия может погибнуть,

НЕИЗВЕСТНОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Пытаясь понять границы современности и смысл происходящего на наших глазах, мы попросили сограждан и современников ответить на следующие вопросы:

1. Каковы, по-Вашему, границы современности и насколько многослойно настоящее?
2. Знаковые фигуры и явления современного искусства (культуры)?
3. Неизвестное настоящее: что с нами происходит?

Диапазон точек зрения в ответах удивил редколлегию. Не все из них мы разделяем, с некоторыми (например с точкой зрения К. Ю. Рыбьякова) принципиально не согласны. Публикуя их, мы надеемся, что наши читатели по-новому увидят время, в котором все мы живем.

ясно, что она не погибнет. Народ не даст погибнуть. Народ, который пребывает в вечной России.

Корр.: Саша Лесенко, студентка Тюменского государственного университета: «Валентин Григорьевич, что Вы сами предпочитаете читать из поэзии и прозы? И на творчестве каких мастеров слова вы учились писать, оттачивали свое мастерство?».

Распутин: Трудно сказать. Нельзя назвать одного, двух писателей. Я люблю читать и перечитывать Достоевского, Бунина, Шмелева, Лескова, Тютчева, Пушкина. Но это не значит, что я учился только у них. Литература наша богатая, и даже те книги, которые недостаточно глубоки, тоже помогают. Они помогают искать тему, слово.

Я очень люблю Тютчева. Но кто из нас не любит Тютчева? Скажите, пожалуйста, кто из нас не любит Есенина? Теперь уже, мне кажется, нет таких людей. Но на одних это производит впечатление, это учительство на всю жизнь, а для других это просто возможность сказать потом, что им известны замечательные мастера.

Корр.: К Вашему вопросу — кто не любит? Недавно в Тюмени был правнук Льва Толстого Владимир Ильич Толстой. Мы проводили интерактивный опрос наших телезрителей и выяснили, что лишь четвертая часть их знает, кто такой Лев Толстой.

Распутин: Это, конечно, плохо. Очень плохо! Россия перестает читать! За последние десятилетия страна, которая считалась самой читающей в мире, превращается в страну, самую не читающую в мире. Но все-таки читатель остается. Бывая в библиотеках, я всегда интересуюсь: что читают, кто читает? Старшее поколение читает, и больше всего классику, потому что ищет утешение, прибежище от мерзостей жизни. Вот тут-то классика как раз и помогает. Помогает даже такой герой, как Обломов.

Недавно был юбилей Гончарова, и мне было приятно, что вспомнили об Обломове. Это не худший русский тип. Казалось бы, лежебока, лентяй. Понятие «обломовщина» навсегда осталось в социальной жизни и в литературе как обозначение не лучших качеств русского человека. Но куда денешь доброту Обломова? Нежность, которая есть в Обломове? Он излучает нежность. И нет такой твердости, которая победила бы нежность. Значит, нежность нам нужна. Не только волевые, расторопные, инициативные люди, в конце концов, пусть они будут, тем более, что Россия в них нуждается, но она одновременно нуждается и в таких людях, как Обломов, у которых прекрасная душа.

Корр.: Валентин Григорьевич, как дышит сегодня Ваш любимый холодный, суровый и, наверное, очень нежный Байкал?

Распутин: За последние 10 лет, когда промышленность легла чуть ли не по всей России, она оказалась, конечно, в таком же положении и в наших местах. В Байкал, как в аэродинамическую трубу, несло выбросы по Ангаре чуть не за тысячи километров. В это десятилетие воздушных выбросов поубавилось. Но комбинаты продолжают работать, в т. ч. байкальский целлюлозный комбинат. Принят закон о Байкале. Когда В. В. Путин нынче был в Иркутске, он будто бы решил проблему, нашел деньги, чтобы байкальский целлюлозный комбинат работал по замкнутой схеме водопользования. Но, во-первых, давно уже пора перепрофилировать этот комбинат, во-вторых, Байкал загрязняется не только целлюлозным комбинатом. Так что байкальская проблема не разрешена. На моей памяти, а я помню Байкал в течение, наверное, полувека, даже видимые изменения производят гнетущее впечатление. Прежде мы наливали байкальскую воду в графин и она могла стоять месяцами и оставаться прозрачной и чистой, а теперь пройдет день — два и уже выпадает осадок. Это первый признак ухудшения, который даже ребенок может заметить. И второй. Байкал обычно цвел в августе, теперь он начинает цвести уже в июне. Не хватает ему сил для сопротивления, которые были у него прежде. Об остальных проблемах можно было бы говорить долго. Я только

хочу сказать, что разговоров о Байкале много, а дело, к сожалению, подвигается очень плохо.

Корр.: Михаил Юсупов, наш телезритель: «В конце 80-х годов Вы, Валентин Григорьевич, говорили с трибуны о том, что России мешают жить национальные республики. И процветание наступит лишь тогда, когда Россия отделится ото всех. Каков Ваш взгляд сегодня на эту проблему?»

Распутин: Это вопрос, который мне задается не в первый раз и задается неверно. Не так прозвучало тогда мое выступление. Это было на съезде народных депутатов в мае 1989-го года. Не я говорил, что России мешают жить национальные республики. Депутаты национальных республик говорили о том, что им мешает жить Россия. Это были закавказские и прибалтийские республики. Речь шла о том, что Россия существует за счет этих республик, за счет их налогов. Но это же не так было. Вот тогда я поднялся и сказал, что Россия может прожить и одна, в конце концов. Что, может быть, им выйти России из Союза? Это было направлено против речей, в которых поносилась Россия. Она действительно тогда поносилась. Это был какой-то шабаш, наступление, явно организованное.

Корр.: Видимо, контекст, так сказать, время смыло, а слова писателя Распутина остались.

Распутин: Я хотел бы продолжить эту тему. Есть статья Александра Исаевича Солженицына «Как нам обустроить Россию?». Она до сих пор верна. Солженицын прав, когда говорит, что тех, кто хочет уходить, надо отпустить на волю. Это будет дорого стоить, это очень больно. Я жалею, что распался Советский Союз. Но отпустить, очевидно, надо было. Нельзя было, разумеется, разрушать славянский союз, наше единство с Украиной, Белоруссией. Нельзя было отдавать казахстанские земли, потому что это наши, русские, земли. Нельзя было отдавать Крым и оставлять Севастополь в том положении, в котором он сейчас находится. Это уже не просто ротозейство, а преступление людей, которые это допустили.

Корр.: Андрей Юрьевич, наш телезритель, спрашивает: «Валентин Григорьевич, верите ли Вы в Бога и какого Вы вероисповедания?»

Распутин: Я русский человек, значит, я православный, крещеный. Крещеный задолго до того, когда стали массами выходить из партии и пошли в церковь. Кстати, партийным человеком я никогда не был, у меня не было партийного билета. Но я говорю это не в свое оправдание, билет у меня мог быть. Просто, когда все считали, что это нужно, я думал, что могу обойтись и без него. А обойтись без веры я не могу, поэтому я крестился.

Корр.: Ольга Андреевна, преподаватель русского языка и литературы в старших классах: «Очень сложно купить Ваши произведения. Как часто они переиздаются?»

Распутин: Переиздаются теперь не часто. Кроме того, Вы прекрасно знаете, что система книгораспространения сейчас полностью разрушена. Находятся люди, которые привозят книги из Москвы, из Петербурга или откуда-то еще. Если книжка сейчас вышла на юго-западе, то там и будет лежать, на северо-восток она уже не придет. И будет считаться, что книжка не расходуется. По России тем более она никуда не пойдет, потому что некому ее везти. Доброхотов, которые этим занимаются, слишком мало.

Корр.: Скажите, Валентин Григорьевич, все Ваши писательские замыслы осуществлены или, может быть, есть не осуществленные, навсегда не осуществленные?

Распутин: Нет, разумеется, не все. Во-первых, я не все свои работы довел до конца. Может быть, я излишне к себе требователен, но когда вижу, что работа меня не волнует, откладываю ее. Хорошая работа волнует автора. «Над вымыслом слезами обольюсь» — это не преувеличение, не просто поэтическая строка.

Корр.: Плакал Распутин над какой-то своей строкой?

Распутин: Да, разумеется, плакал и не однажды и буду счастлив плакать снова, но пока не получается. Если работа не идет, приходится откладывать. Может быть, и

не самые худшие были бы вещи... В это десятилетие у меня не написана книга о людях, о положении не столько России (это слишком объемно было бы), а о самочувствии в наше время человека, совестливого, доброго человека. Я пробовал это делать, но мне казалось, что это будет тяжелая книжка, а тяжелые книги не очень-то сейчас нужны. Столько тяжелого у нас, столько мрачного. Литература должна учитывать, что надо надежду подавать людям. Сейчас, мне кажется, я нашел способ выразить эту надежду. Получится — не получится, не знаю.

Я говорил уже, что у меня есть книга публицистики о Сибири. Там нет одной главы, которая очень нужна, — о Транссибе. Я эту главу буду писать, потому что Сибирь без Транссиба — это, конечно, не Сибирь.

Корр.: Скажите, Валентин Григорьевич, эпоха рубежа тысячелетий у нас в России требует своего литературного эпоса, как в свое время был востребован «Тихий Дон», или такая суматошная эпоха обойдется мелким жанром?

Распутин: Эпос, наверное, нужен, эпохальная вещь была бы нужна. Но, к сожалению, ни Шолохова, ни Леонова, ни Бунина, ни Толстого, ни Достоевского в наше время уже быть не может. Мы говорим, что пройдут смутные времена, поднимется опять литература, она, очевидно, поднимется, потому что не может просто так взять и исчезнуть вместе с теми модными авторами, которые представляют ее сейчас. Но дело в том, что культура ведь разрушается не только в России, она разрушается во всем мире. Это заметно. Разрушение культуры ждет не одну Россию, а, очевидно, весь мир. Дай Бог, чтобы эпохальное произведение появилось, но я сейчас не вижу такого человека, который мог бы написать его. Он, может быть,

Татьяна Александровна ТОПОРКОВА,
заведующая кафедрой журналистики ТюмГУ

1. Границы современности определяются не только возрастом и кругозором человека или определенной социальной группы. Есть, вероятно, какие-то скрытые параметры. Мне трудно объяснить, почему я считаю своей современницей Марину Цветаеву, а генерального секретаря Л. И. Брежнева выношу далеко за рамки своего времени и пространства. Или это и есть многослойность? Родство души, взаимопроникновение наших внутренних цивилизаций, угроза глобальной культуры и, как результат, оппозиция, доходящая до абсурда.. Моя современность ведет свой отсчет от конца первой мировой войны (в грубом измерении) и простирается до не очень далекого завтра. Почему — не знаю. Она очень многослойна, не поддается структурированию. Свои «да» и «нет» явлениям современности я говорю интуитивно. Но ведь сама интуиция рождается из реального опыта.

2. Знаковые фигуры современного искусства и культуры. Для меня такими фигурами со знаком плюс являются итальянские теноры, французские шансонье, английская группа «Битлз», писатели потерянного поколения (Ремарк, Хемингуэй, Фицджеральд), русские писатели Булгаков и Симонов, Г. Г. Маркес, Сальвадор Дали и Майя Плисецкая, А. Шнитке и Чарли Чаплин и мн. другие. Но есть знаковые фигуры другого плана, от них нельзя отречься, ибо они являются символами конъюнктурной глобальной культуры: И. Глазунов, Н. Михалков, З. Церетели, Мадонна и Ст. Кинг, А. Хейли и Б. Акунин. И есть, наконец, попсовые идолы, вроде Таркана или Киркорова, ваятели массовой культуры, весьма многозначительные. Независимо от моей к ним симпатии или антипатии, они царят в умах и душах миллионов — чем не знаковые фигуры.

3. Прогнозы на будущее — дело астрологов. Простому смертному трудно угадать, как встанут звезды завтра. Для меня тревожным симптомом является активизация ислама: потрясающий акт вандализма — разрушение памятников буддизма в Афганистане — прошел для мира почти незамеченным. Христианская культура беззащитна, в том числе и перед лицом мощной индустрии развлечения. Может быть, стоит чуть внимательнее присмотреться к лозунгам антиглобалистов?..

появится в будущем, какой-нибудь электронный автор, который все, что есть в машинах, соберет и составит книгу. Но книга-то ведь нужна другая.

Корр.: Владимир Николаевич Перваков, наш телезритель, спрашивает: «Правильно ли, на Ваш взгляд, преподают литературу в школе и участвуете ли Вы в разработке программ преподавания отечественной литературы?»

Распутин: Конечно, не участвую, никто меня не приглашает для этого. Правильно ли преподают? Я вообще считаю, что судьба России сейчас находится в руках учителя. Дальше уже действительно отступать некуда. Если сдается учитель, то тяжело приходится всей России. Реформы, которые затеваются Министерством образования, нужны, они нужны для помощи учителю, для финансирования школ, потому что школы находятся в ужасном положении. Но реформы сейчас делаются для того, чтобы нашу школу перевести на американский лад. 12-летнее обучение, одновременно выпускной и вступительный экзамены ... много чего делается на чужой манер. Такие реформы, разумеется, не нужны. Если учитель-словесник, вернее, не только словесник, а, скажем, отечественник, понимает вред таких реформ и такого преподавания, он всегда найдет возможность сделать так, чтобы его труд пошел на пользу и России, и школе, и ученикам.

Корр.: Мы проводили интерактивный опрос наших телезрителей и сформулировали вопрос так: «Пока Валентин Распутин пишет, русская литература жива?». «Это так», — ответили 72 наших телезрителя. «Литература не умирает», — подтвердили 106 телезрителей. «Век литературы уходит», — сказали 111 человек. Как Вам, Валентин Григорьевич, настроение нашей аудитории?

Распутин: Спасибо вашим телезрителям, которые живут надеждой. Я тоже настроен по отношению к судьбе литературы скептически. Но литература, конечно, сразу умереть не может, появятся еще писатели. У нас и сейчас есть хорошие писатели, есть Личутин, Крупин и многие-многие другие. Но дело-то в том, что читаем мы мало.

Корр.: Вопрос Михаила Войтова: «Писать — это Ваша потребность или способ зарабатывания денег? Если потребность, сформулируйте, пожалуйста, в двух фразах, что Вы хотите сказать в своем творчестве?»

Распутин: Способ зарабатывания денег? Нет. Это далеко не главное. Сейчас литература вообще не дает денег или дает их столько, что на них не проживешь. Писательское дело любить надо. Это настолько особое дело, что к нему надо относиться с нежностью, как к женщине. Сравнение, может быть, слишком уж тривиальное. Но в любом случае должно быть любовное отношение к писательскому ремеслу. Тогда отзывается сердце, отзывается душа, отзывается даже язык, который где-то далеко-далеко, за холмами, может быть, за какими-то. Вот он притаился там и ждет. Куда ты обратишься, какое слово позовешь? Ты нашел одно слово и тут к тебе подлетает другое слово. Если оно годится, уже получается картина, которая нравится тебе и понравится читателю.

Корр.: И последний вопрос в нашей программе, Валентин Григорьевич: Великие испытания только для великого народа?

Распутин: Конечно, конечно, только для великого народа. Великий народ, преодолевая великие испытания, крепчает, у него появляется надежда, появляются возможности стать еще более крепким и великим.